

Чу И каждый день приносил ему чай и заботился о нём, утром стучал в дверь и дрожащим голосом спрашивал:

— Старина, что хочешь сегодня поесть?

Хэ Юй не сдержался и рассмеялся. Каким же будет Чу И в старости?

Наверняка красивым стариком, как говорят в интернете: «Дед в молодости был красавцем».

Он потянул пижаму и вздохнул, но через пару секунд снова лёг.

Даже Хэ Юй, который всегда был полон энергии, теперь стал таким изнеженным, так хорошо за ним ухаживали.

Маленькие жёлтые утята на пижаме, казалось, подмигивали ему своими чёрными глазками-бусинками: «Не грусти, твой Альфа позаботится о тебе!»

Хэ Юй засмеялся.

Пижаму тоже купил Чу И, у него была белая, а у Чу И — чёрная.

Чу И был удивительно скрупулёзен в таких бытовых мелочах.

И он действительно очень любил жёлтых утят. Непонятно, почему такой крутой и уверенный в себе человек имеет такое милое увлечение.

— Тук-тук-тук.

— Готово, — с трудом крикнул Хэ Юй.

Чу И открыл дверь, держа в одной руке стакан воды, а в другой — тарелку с аккуратно нарезанной грушей.

— Сначала лекарство, — Чу И поставил всё на тумбочку и внимательно прочитал инструкцию.

Омеги обычно слабее физически, и лекарства им нельзя принимать так же легко, как Альфам и Бетам. Несмотря на то что Хэ Юй был в хорошей форме, Чу И не стал рисковать.

— Натощак, — Чу И достал две таблетки и подал ему воду. — После этого поешь, ещё одно лекарство потом.

Хэ Юй послушно принял лекарство, как конфету, проглотил таблетку и запил водой, всё быстро и чётко.

Чу И помог ему лечь обратно на кровать.

Хэ Юй почувствовал, будто ему уже семьдесят, Омега, который много лет прикован к постели, и Альфа, который заботится о нём, не оставляя...

Чу И порезал грушу на ещё более мелкие кусочки и поднёс ко рту Хэ Юя.

Тот открыл рот, не осмеливаясь посмотреть ему в глаза.

Его никогда так не обслуживали, и он не знал, что сказать в такой ситуации.

Спасибо, я сам могу.

Ты так добр ко мне.

Брат, ты такой красивый.

Мне так плохо.

Нытьё.

...

Не знал, поэтому промолчал, лучше просто есть, пока дают.

Хэ Юй ел кусочек за кусочком, с мыслью «если дают, значит, надо брать», и быстро съел половину груши.

Чу И, заметив, что он не останавливается, понял, что Хэ Юй будет есть, пока не остановят, и сам перестал кормить.

Хэ Юй проглотил последний кусочек, моргнул и посмотрел на него, явно спрашивая: «Почему перестал?»

— Ты чудом дожил до такого возраста, не объевшись, — Чу И поставил тарелку и поправил одеяло, обнажив шею Хэ Юя, которая была вся в поту.

— Меня никогда не кормили, поэтому и не объелся, — Хэ Юй сказал это не задумываясь.

И только потом понял, что это звучало как жалоба или каприз, что было совсем на него не похоже.

Он кашлянул, собираясь объяснить, но Чу И вдруг спросил:

— А как ты раньше справлялся? Когда болел.

— А? — Хэ Юй замер, провёл рукой по мокрым от пота волосам, подумал. — Ну... просто терпел. Если была горячая вода, пил горячую, если не было — холодную. Не принимал лекарств, не пропускал школу или работу, через пару дней проходило.

Через пару секунд он с уверенностью добавил:

— Я крутой.

После этого засмеялся.

Простуда — это ерунда, тратить на неё деньги — пустая трата. С его физической формой, выздоравливал за два дня, независимо от того, заболел ли он о себе или нет.

— Почему ты тогда устроился на эту работу? — Чу И посмотрел на него.

— А? — Хэ Юй снова замер, задумался, но ничего не сказал.

Этот вопрос не был запретным, просто... он был сложным, и корни его уходили далеко в прошлое.

Примерно к тому, почему он получал школьную стипендию...

— Неудобно говорить? — Чу И потрогал его лоб, с пониманием сказал:

— Можешь не говорить, я не любопытный.

Хэ Юй промолчал.

Не то чтобы он не хотел рассказать Чу И, сейчас уже не было ничего, что он не мог бы ему сказать, и не было ничего, о чём он стыдился бы.

Просто все эти прошлые события, одно за другим, уже остались в прошлом, но теперь, когда Чу

И спросил, он не знал, с чего начать.

Он не привык делиться, и сейчас совсем не понимал, как это сделать.

Чу И взял со стола жаропонижающий пластырь и приклеил ему на лоб:

— Я пойду готовить.

Хэ Юй, подумав пару секунд, схватил его за рукав и сказал:

— Я не хочу скрывать от тебя, просто мне нужно... подумать. Садись, я попробую собрать мысли и расскажу.

Не знал почему, но он не хотел, чтобы Чу И снова думал, что он что-то скрывает.

— Когда я был маленьким, это было давно, я ещё не помню, — Хэ Юй уставился на отвалившуюся штукатурку на потолке, погружившись в воспоминания.

Он говорил медленно, многие вещи приходилось вспоминать с трудом.

— Когда мама рожала меня, были осложнения, врач спросил, кого спасать — мать или ребёнка. Отец был в отъезде, по телефону сказал спасать мать, но бабушка... ну, моя бабушка, сказала врачу спасать ребёнка. В итоге мама умерла от кровотечения, а я остался жив и здоров.

— В моей деревне все были очень суеверны, там был старый храм, и, говорят, там был монах, который гадал мне. Он сказал, что у меня тяжёлая судьба, что я приношу несчастье родителям, — сколько бы раз Хэ Юй ни вспоминал это, он всегда смеялся над этим идиотом. — Этот дурак мог сказать что угодно, лишь бы языком пошевелить.

— Гадалка? — Чу И, наливая воду, остановился. — В наше время ещё кто-то верит в это?

— Я тоже в шоке. Но вся деревня поверила, и все дети перестали со мной играть, — Хэ Юй с отвращением вспоминал это, сколько бы раз ни думал об этом, он хотел вскрыть этим идиотам череп и посмотреть, осталось ли там хоть что-то от материализма. — Отец умер, когда мне было пять лет, я его почти не помню, мой нынешний интеллект, наверное, результат того, что в детстве я был идиотом, ничего не помню.

— На самом деле, когда я говорю об этом, я не чувствую ни капли грусти, — Хэ Юй почесал голову, посмотрел на Чу И, тот был спокоен, хороший слушатель, это успокаивало, и ему стало легче говорить, хотя он не привык к этому. — Я их почти не помню, их лица знаю только по фотографиям.

— Кто-то из деревни говорил, что отец, глядя на меня, вспоминал мать, и после её похорон

уехал на работу, ни дня не провёл со мной, а через пять лет погиб в аварии.

— Не то чтобы у меня нет совести, — он с недоумением посмотрел в сторону, его всю жизнь называли неблагодарным, но он до сих пор не понимал, чем заслужил это. — Просто я почти не видел отца, маму вообще не видел, я не могу быть сыновним и почтительным, на могилу ходил пару раз.

— А что было потом, — спросил Чу И, — ты жил у бабушки?

<http://bllate.org/book/15494/1374437>